

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Олега Станиславовича Климкова на тему:
«Исихазм и русская религиозная философия XV-XVIII вв.», представленную на соискание
ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – история
философии

Олег Станиславович Климков проделал большую и нужную историко-философскую работу, раскрыв особенности и философское содержание учения исихазма, показав его влияние на формирование русской религиозной философии (прежде всего, средневековой) и проследив рецепции исихазма в России до XVIII в., включительно. Диссертация имеет ясную, логичную структуру, она лишена случайных сюжетов и создает впечатление целостного, законченного, оригинального исследования. Не буду упрекать Олега Станиславовича в том, что еще могло войти в его работу и т. п. В конце концов, автор сам определяет границы своего исследования и вынужден в определенный момент «ставить точку». Буду исходить из того, что сам диссертант вынес на суд диссертационного совета. Воздержусь от упреков предложенным в работе интерпретациям, полагая, что Олег Станиславович сможет отстоять свою точку зрения, а перейду к основной задаче оппонента – замечаниям.

Собственно говоря, у меня лишь одно замечание: расхождение (несоответствие) между изложением и утверждениями, т. е. основными положениями диссертации. Поясню, что имею в виду. Я готов согласиться с тем как и что излагает О.С. Климков в своей диссертации, но не вижу связи между содержанием работы и ее выводами.

1. Одно из основных положений диссертации гласит о различии «синайтизма» и «паламизма». Само это деление было предложено с учебно-методическими целями для более наглядного усвоения студентами особенностей исихастского учения и практики. Это деление носит условный характер, поскольку схематизирует и упрощает историко-философское содержание для студентов и позволяет его быстрее и лучше запомнить. Но то, что применимо для педагогических целей, не всегда уместно в диссертации, ведь задача исследования, в отличие от лекции, не упрощать и схематизировать, а показать сложность, многообразие, зависимость идей, понятий, учений. В работе это различие поясняется как противостояние «учения о страстях» «учению об

энергиях». Но ведь это лишь разные этапы одной духовной практики, связанные между собой: отказ от борьбы со страстями делает недостижимым (и непостижимым) божественные энергии, а отсутствие «энергии» превращает борьбу со страстями в разновидность духовного спорта (выше, дальше, сильнее). Конечно, мы можем, например, в порядке биографического писания противопоставлять Климкова-студента философского факультета и Климкова-автора докторской диссертации, но ведь без обучения Олега Станиславовича на философском факультете ЛГУ, вероятно, не было бы нынешней диссертации. При всем отличии этих этапов его жизни мы имеем дело с одной личностью, единую судьбой человека. В тексте самой диссертации Олег Станиславович пишет о «генетической связи» между «борьбой со страстями» и «учением об энергиях», прекрасно показывает эту связь. И я с этим согласен. Откуда же такой вывод? На самом деле он не столь безобиден в теоретическом отношении. Противопоставление двух направлений в исихазме приводит к ограниченному пониманию самого исихазма. Так, в диссертации «безмолвие» истолковывается как невозможность исчерпывающего словесного суждения о Боге. С этим трудно спорить, особенно придерживаясь апофатического богословия. Но такое ограниченное и упрощенное понимание «безмолвия» следует из разделения духовной практики и ее осмыслиения, чего не было в реальности. Разве Григорий Палама не был практиком? Разве он взялся бы за написание своих трактатов только из полемических соображений, а не считал, что его учение – это путь к спасению? И Григорий Синайт и Григорий Палама рассматривали философию не как словесную мудрость, а как образ жизни, в котором мысль (слово) и дело едины. Состояние безмолвия не означало только немоту, неспособность выразить в слове абсолютное начало. Безмолвие означало еще и бесстрастие (молчание страстей). Перед лицом Абсолюта слова бессильны, они не нужны. Однако исихазм не умаляет имена и слова, а, напротив, придает им такое значение, которого они не имели ранее, ведь энергией является все то, чему можно дать имя (отсюда значение молитвы), а спасение и достигается посредством приобщения к божественной энергии, которая доступна в тварном мире посредством божественного слова.

2. В диссертации неоднократно указывается на «апофатический дуализм Ареопагитик». Думаю, здесь нужно быть осторожнее с термином «дуализм», поскольку он задает превратный взгляд на само содержание проблемы и навязывает ложный схематизм. О каком дуализме идет речь? Это – «дуализм

божественного и природного». Но позвольте, чему же тогда посвящена диссертация: гностицизму, зороастризму и т.п.? Получается какой-то богословский оксюморон: монотеистическая религия дуалистична. Или Олег Станиславович, действительно, считает православие дуалистическим учением, т. е. не христианским или даже антихристианским. Различие Творца и твари в христианстве не имеет характера дуализма, оно указывает лишь на «недостаточность» твари перед Творцом, на бессилие мира перед Абсолютом. Тварь не сводима к Творцу. Считая это дуализмом, мы будем вправе, например, противопоставить Олега Станиславовича его собственной диссертации. Конечно, диссертация – это не сам автор, но это ведь его диссертация. Никакого разрыва, противопоставления, дуализма тут нет. Я, скорее, склонен видеть дуализм не в христианстве, а между описательной, интерпретационной частью диссертации О.С. Климкова и тезисами, «положениями» этой диссертации. Ведь исихазм как раз и предполагает, благодаря синергии, преображение всей человеческой природы, и духовной и телесной, допускает спасение мира во всей его полноте. Исихазм принципиально не-дуалистическое учение. И в диссертации это прекрасно показано (глава II, § 3; глава III, § 3). Опасность использования в контексте диссертационного исследования термина «дуализм» и вовсе приводит к заключениям из ряда научной фантастики, когда, например, в традицию исихиастского «дуализма» вписывается учение Р. Декарта. Р. Декарт, вероятно, подобно известному мольеровскому персонажу, который не знал, что говорит прозой, не ведал о своем опыте священнобезмолвия.

3. Одно из положений, неоднократно повторенное в диссертации, гласит, что победа исихазма в Византии привела к разрыву с «идеологией западного Ренессанса». Позволю себе в этом усомниться, поскольку считаю такое утверждение неисторичным. Формирование исихазма завершилось к середине XIV в., когда Возрождение еще делало только «первые шаги» в Италии (в остальных странах Европы и того позже). Черты новой культуры были еще столь неясны и проблематичны, что едва ли кто из современников мог представить, что он живет в «эпоху Ренессанса». Исихазму, по существу, не с чем еще было «разрывать». Напротив, благодаря греческим эмигрантам, неоплатонизм, давший в Византии богословский росток в виде исихазма, привился и в Италии, а несколько позднее ренессансный неоплатонизм стал одним из главных философских направлений эпохи, подпитывая интерес к

античному наследию. Более того, историки культуры показывают, насколько мощным было византийской влияние на ренессансную культуру. Одним из первых на это указал еще К.Н. Леонтьев. Полагаю, что более продуктивным было бы не «разрывать» историко-культурный процесс, а сопоставить исихастский неоплатонизм с ренессансным, исихастскую мистику с мистическими учениями эпохи Возрождения. Признавая тот «разрыв» исихазма с Ренессансом мы с равным методологическим основанием, можем, например, высказывать суждения следующего порядка: политическое учение Н.М. Карамзина означало разрыв с легальным марксизмом.

В дополнение к замечанию хочу высказать несколько недоумений, которые у меня возникли при знакомстве с диссертацией О.С. Климкова. Они также вызваны несовпадением текста (изложения) и утверждений. Во-первых, учение исихазма (его варианты) выводятся из « истолкования Ареопагитик». Признавая значение «Ареопагитик» и апофатического богословия в целом, должен заметить, что исток исихазма все же лежит в учении о спасении, в ответе на вопрос: как жить в этом мире христианину? В самой диссертации, именно об этом и говорится, но зачем тогда это выпячивание «на почве истолкования Ареопагитик». Во-вторых, утверждается, что формирование православного учения было начато в IX в. Фотием и при этом в диссертации справедливо упоминаются решения Вселенских соборов и учение отцов церкви. В третьих, в разделе о Ниле Сорском приводятся два взаимоисключающих взгляда на его учение. Так, Г.В. Флоровский отрицает наличие элементов рационалистический критики у Нила Сорского, в то время как А.Ф. Замалеев их признает. Приводя обе точки зрения, диссертант умудряется согласиться с обоими.

Должен заметить, что мне представляются избыточными разделы, посвященные биографическим сюжетам. Все таки диссертация пишется не со «школьными» целями и пересказ биографии и т.п. не должен идти в ущерб интерпретационной и аналитической части исследования. Не редко изложение учения сводится к пересказу точек зрения и мнений других ученых. Особенно это заметно в параграфе о Максиме Греке. Я не уверен, что ВАК признает публикации в издательстве «LAP LAMBERT Academic Publishing» научными публикациями. И дело не только в том, что напечатанные в этом издательстве книги не проходят редактирования и рецензирования (этим грешат многие издательства). Они не доступны специалистам и читателям, поскольку не подлежат обязательной рассылке, которую осуществляет Книжная палата РФ и, соответственно, отсутствуют в библиотеках. Не знаю также, насколько обязательным ныне является наличие

монографии, но должен отметить, что монографией считается отдельная публикация объемом не менее 8 п.л. Едва ли эти требования были снижены. Стоит более внимательно отнестись к стилистике, потому что выражения типа «вождь исихастов» вызывают дополнительный вопрос: это «вождь» «племени синайтов» или «племени паламитов»? Не всегда однообразно выдержано оформление цитируемой литературы.

Диссертация Олега Станиславовича Климкова на тему: «Исихазм и русская религиозная философия XV-XVIII вв.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Олег Станиславович Климков заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – история философии. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

Доктор философских наук, профессор, профессор

А.В. Малинов

04 июля 2019 г.